

Валерий Столыпин

Сборник рассказов

С ТОБОЙ
ТОЛЬКО С ТОБОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Столыпин

С тобой. Только с тобой!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64027251

SelfPub; 2022

Аннотация

Все мы мечтаем встретить того единственного, кто сможет полюбить весь выдуманный нами космос: привычки, предпочтения и мечты вместе с нами в придачу. Откуда появляется идея, что кто-то будет любить все наши недостатки, непонятно, однако, меняться не хочется, да и сложно: любим как умеем, ищем предназначенную свыше половинку, однако места для неё в своём мире оставляем гораздо меньше, чем себе любимому. Мы строим планы, мечтаем о будущем, в котором сами являемся центром личной Вселенной, но не хотим ни в коей мере зависеть от чьих-либо предпочтений и желаний.

Можем ли мы быть счастливыми в тисках таких обстоятельств? Бывает, что да, чаще – нет. Тем не менее – жизнь продолжается.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Давай разведёмся	4
Проекция несостоявшейся мечты	17
Нимфетка	25
Всё не так	41
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валерий Столыпин

С тобой. Только с тобой!

Давай разведёмся

– Ты меня любишь, – спросил Антон жену, пришедшую с работы на сорок минут позже обычного, что случилось последнее время чаще и чаще. Не то, чтобы он обиделся или расстроился, просто заметил неожиданно – что-то в их жизни изменилось, и задумался.

– Любила. Но это было давно. Теперь даже не знаю. Ты изменился, стал чужим, далёким. Заметил, что наша квартира стала какой-то заброшенной, пустой? Видел, дверца у шкафа отвалилась, кран течёт. Всё потихоньку разваливается. Жизнь тоже.

– Ищешь повод для скандала?

– Вовсе нет. Ты задал вопрос, я на него отвечаю. Скоро год как мы с тобой не гуляли, не мечтали, не разговаривали по душам.

– Тоже заметила? Скучно стало вдвоём, подруга. Я вот

всё думаю, как вышло, что мы с тобой оказались семьёй, не напомнишь? С чего всё началось?

– Ты был самый лучший. Я таяла от твоего взгляда, с ума сходила от прикосновений, от необыкновенного запаха. Когда ты сказал “люблю”, меня трясло целые сутки. Пять минут без тебя были испытанием, несколько часов – пыткой. Первый поцелуй казался волшебной сказкой. Кажется... нет, точно – я была счастлива. А ещё... ещё ты умел делать для меня кое что особенное, но это потом, после свадьбы. Теперь, увы, разучился дарить праздничное настроение, стал равнодушным, ленивым.

– Я тоже тогда терял рассудок, боялся, что не полюбил тебя, позже, что когда-нибудь могу тебя потерять. Серые глаза, милые кудряшки, плавные линии силуэта. Ты казалась мне такой совершенной, такой восхитительной, такой изящной, волнующей, нежной.

– Теперь не кажусь?

– Не то, чтобы очень. Теперь мне есть, с чем сравнивать. Это был сон разума. Ты обыкновенная, как все.

– Следовательно, я в твоём сне – чудовище. Приколотно.

– Нет-нет, не так. Наверно я повзрослел, понял, что придумал тебя, сочинил безупречный образ. Так бывает. Наваждение, галлюцинация, морок. Разве у тебя не так?

– Меня всё, почти всё в нашей совместной жизни устраивает, кроме... Впрочем, неважно, я готова подстраиваться, уступать, но ты тоже постарайся.

– Зачем? Давай разведёмся.

– Долго думал, любимый? Как ты себе это представляешь?

На лице Вероники отразилось раздражение, следом недоумение, обида, потом брезгливость и злость. Она беспомощно сжимала кулачки, часто-часто моргала, выкатила из глаз пару хрустальных слезинок, которые немедленно промокнула платочком.

– А давай, сколько можно играть в любовь с тенью! С чего начнём?

– С обнуления конечно. Снимаем с себя ответственность за отношения, быт и всё прочее. С этого момента мы – свободные люди. Предлагаю отметить. Приготовь что-нибудь вкусненькое, а я сбегаю за вином. Тебе какое взять?

– Мне Мартини и апельсиновый сок, но готовить не буду.

– Почему?

– Потому что у нас свободные отношения. И отмечать развод я буду не с тобой, а с Игорем.

– С каким это ещё Игорем?

– Стоп, Антон, остынь. Ты же обнулился. Мы теперь сожители, вынужденные до официального развода находиться в одной квартире, так? Хочу сообщить радостную весть другу, порадоваться вместе с ним.

– Вот значит как! Тогда и я тоже... это... к Людке пойду, к Миковой. Домой не жди.

– Тогда я Игоря сюда приглашу.

– С какой стати!

– Свобода, Антоха, мечта поэта. Сама хотела предложить, ты оказался смелее.

– Давно ты с ним? Кто он, любовник?

– Почему я должна перед тобой отчитываться? Друг, просто друг.

– Ты его любишь, то-есть... спишь с ним?

– О-ла-ла, это что – ревность? С какой стати ты меня допрашиваешь, господин Ноль? Впрочем, мне скрывать нечего, коли мы в разводе: просто мечтаю отдаться ему как можно скорее. Дружить с мужчиной – извращение. Хочу почувствовать его в себе целиком.

– Думаешь вывести меня из себя? Так вот знай – у меня две любовницы: Людка и Полина.

– С Миковой связывать судьбу не советую. На передок слаба. А Полина, какая она, я её знаю?

– На, смотри; вот видео, вот фото.

– Симпатичная... но стерва, – сделала заключение жена, демонстративно переодеваясь в театральное платье, нанося немыслимой яркости макияж, – по глазам вижу. А так ничего: простенько, но со вкусом. Ладно, поговорили и хватит. Я ушла.

Антон закурил, включил чайник.

Настроение было безнадежно испорчено. Идти никуда не хотелось.

– Игорь, значит! Муж про измену узнаёт последним. Дрянь! Так и знал, так и знал!

Вернулась Вероника утром. Шагом манекенщицы продефилировала в спальню, скинула платье, нижнее бельё, набросила пеньюар и скрылась в ванной.

Антон был ошеломлён её бесстыдством: вызывающей наготой, дерзким поведением, нарочито циничной демонстрацией беспредельной свободы.

– Она что, охренела, – возмутился он, – какая наглость, какая вопиющая мерзость – щеголять перед мужем в neglige после того, как переспала с любовником.

– Ты злишься, Антоша, я слышу. Полинка не дала? Сочувствую. А я... я такая счастливая. Давно такого блаженства не испытывала. Здорово же ты придумал. Мне так понравилось разводиться. Я ведь раньше не знала, что такое оргазм. Теперь знаю. Дотрагиваюсь сейчас до того места, ты меня слушаешь, где совсем недавно, буквально только что, был праздник... я ведь тебе супружеский долг отдавала, а

ему... ему отдавалась от всей души.

– Какое мне дело, сколько оргазмов ты насосала!

– Не завидуй, Антоха, не злись. Я ведь не психовала, когда ты у Людки ночевал.

– Откуда ты знаешь?

– Запах, мужчина. Запах чужой самки, похоти, блуда. И ещё кое-что, чего не потрудился скрыть. Так вот, о чём я говорила-то? Ах, да, про оргазм...

– Какая же ты дрянь, Вероника! Я на работу. Вечером поговорим.

– Интересно, о чём? Вечером меня не будет. Когда заявление подадим?

– Да хоть сегодня. Нас, бездетных, в два счёта разведут.

– Чудненько! Ты жениться планируешь?

– Ну, уж нет! Я думал, что хоть ты у меня порядочная... оказалось...

– У тебя я и была порядочная. Сам сказал – надоело, скучно, каждый сам по себе, свобода и всё такое. Я женщина послушная: попросил – исполнила. Что не так-то?

– Всё так. Привет Игорю!

На душе у Антона было тоскливо и пусто.

На работе он повздорил с напарником, психанул на начальника. За что бы ни взялся – всё валилось из рук.

В итоге Антон сказался больным, ушёл на два часа раньше, купил бутылку водки, которую вскоре отдал опухшим от жажды алкашам, выпрашивающим у прохожих пару рублей на пиво.

Бродил неприкаянно, не в силах собраться с мыслями, злился на себя, на Людмилу с Полиной, на обстоятельства, заставившие сделать жене непристойное предложение, на Веронику, с радостью его принявшую, на неведомого Игоря, от которого она тащилась.

– Оргазм, видите ли, у неё! А у Людки, интересно, был хоть раз этот самый оргазм? Пойду, спрошу.

В парикмахерской у любовницы никого не было. Людми-

ла сидела с закрытыми глазами, слушала что-то через наушники.

Антон посмотрел на неё и обомлел, не понимая, как мог Веронику променять на эту невзрачную женщину.

– Людка, – неуверенно начал он, – забудь про меня. Извини!

– Ты же развестись хотел, замуж звал.

– Передумал.

– Ну и вали отсюда! Женишок драный. Толку-то от тебя: ни украсть, ни покараулить.

– Сказал же, извини! Люд, а ты это... у тебя оргазм был?

– Ну, ты Антоха и придурок! Был, конечно, но не с тобой.

– Врёшь ведь!

– Вру, не вру – не твоё собачье дело! Хреновый ты любовник.

– А замуж чего хотела?

– Без мужика тяжело. Плохонький да свой. Ты за своей Во-роной как за каменной стеной, не знаешь, что такое одиночество. На всём готовеньком живёшь. Ладно, вали, не трави душу. Ты это... если передумаешь – приходи.

– Уходи, приходи. Не нужен мне никто. Без баб обойдусь. От них одни неприятности. Вот и Полинке позвоню – пусть на меня не рассчитывает.

Антон купил газету объявлений, просмотрел предложения съёма квартир. Цены были ого-го, не укусишь.

– К Витьке пойду жить, – решил он, – даром холостяку-ет. Вдвоём веселее. Сейчас Веронику вызову с работы, пой-дём заявление подавать. Мужик я или нет! Оргазм её задери вместе с хахалем. Молодуху себе найду. Пожалеет ещё.

Заявление в загсе приняли, но дали время подумать.

Ночевал Антон у Витьки, который поведал ему о свободе и индивидуальности, – короче, братан, у меня подруга и всё такое. Погостил, уважил я тебя, дальше сам.

Не так Антон представлял себе развод. Не так. Не было на сердце радости, не было предвкушения праздника: ничего

не было, кроме пустоты и горечи.

Вероника не обращала на него никакого внимания, словно не было Антона вовсе.

Обидно было. Столько лет вместе прожили. Что он – доброго слова не заслужил?

После работы Антон спешил домой, готовил ужин в надежде поговорить, обсудить. Тщетно.

Вероника улыбалась, вела себя шаловливо, как девчонка: напевала что-то легкомысленное, кружилась, прыгала на одной ножке, накупила целую стопку эротического белья, демонстративно задирала подол, как бы нечаянно оголяла грудь... и исчезала в ночи.

Антон ревновал, мучился, – постеснялась бы при живом муже наряжаться в такую срамоту. Специально дразнит, зараза!

Развели их до обидного буднично, за документами сказали прийти через неделю.

– Присядем на дорожку, – предложила бывшая, – обсудим жизнь-бытьё. Квартира моя, точнее родительская, тебе ниче-

го в ней не обломится. Пока не найдёшь где жить гнать не буду. Упрекнуть мне тебя особенно не в чем, мне с тобой было хорошо. Любовь не бывает вечной, я ведь понимаю. Знаешь, вчера мне было особенно грустно. Провожать последние часы истекающего по непонятной причине брака – то ещё удовольствие. Всплакнула, наткнулась нечаянно на стихи Тушиновой. Кстати, её тоже Вероника зовут. Послушай. “А знаешь, всё ещё будет! Южный ветер ещё подует, и весну ещё наколдует, и память перелистает, и встретиться нас заставит, и ещё меня на рассвете губы твои разбудят. Понимаешь, всё ещё будет! В сто концов убегают рельсы, самолеты уходят в рейсы, корабли снимаются с якоря... Если б помнили это люди, чаще думали бы о чуде, реже бы люди плакали. Счастье – что оно? Та же птица:пустишь – и не поймаешь. А в клетке ему томиться тоже ведь не годится, трудно с ним, понимаешь? Я его не запру безжалостно, крыльев не искалечу. Улетаешь? Лети, пожалуйста... Знаешь, как отпразднуем встречу!” Жаль только – не про нас это. Очень жаль.

– Ты серьёзно, Вероника?

– Куда серьёзнее-то... ладно: долгие провода – лишние слёзы.

– Игорь ждёт?

– Что, кто... какой Игорь? Ах, да! Шутила я, поддержала твою игру, развлекалась.

– Да ладно! А ночевала где?

– У Янки спала. От неё Борис ушёл, вместе счастье оплакивали. Счастье, говорил Есенин, есть ловкость ума и рук. Все неловкие души за несчастных всегда известны. Это ничего, что много мук приносят изломанные и лживые жесты. Нам с тобой обязательно повезёт.

– Вероника!

– Что?

– Выходи за меня замуж.

Проекция несостоявшейся мечты

Юноша любил читать и мечтать.

Удивительно, но произнося про себя обычные слова и фразы, Ярослав представлял себе совсем не то, что было написано. Он видел и чувствовал иначе, переживал события, которые развивались совсем не по тому сценарию, который предлагал автор, представляя себя на месте персонажей.

Ярослав – восторженный романтик, которому реальную жизнь по большей части заменял мир видений и грёз. Он мечтал о большой любви с бесконечным счастливым продолжением, в котором ветер надувал паруса, обещая сказочные приключения.

Дождливая летняя ночь бесшумно ползала по стене сполохами света от фар проезжающих вдалеке машин. По окну зигзагами стекали капли, в которых мерцали разноцветные искры. Жидкие светлячки загорались и исчезали, словно огоньки цветомузыки, как ощущения и мысли, которые озаряли сознание Ярослава, лежащего на кровати в одежде.

Он вглядывался в эту волшебную красоту, чувствовал её очарование, восхищался, но видел вовсе не то, что порхало

по стене и струилось на поверхности стекла. В таинственной дымке юноша явственно различал подвижный девичий силуэт.

Проекция суетливых теней, передвигающих по комнате мебель, причудливо искажающих пространство, создавали таинственный мир, мерцающие бриллиантовые вспышки на чёрном фоне рассеивали и вновь высвечивали танцующую девочку.

Звуков практически не было, кроме размеренно прыгающей стрелки настенных часов и гула проносящихся автомобилей, которых Ярослав совсем не слышал, потому, что его внимание привлекало восхитительное видение.

Юноша лежал неподвижно, опасаясь, что иллюзия может испугаться и исчезнуть. Он был взбудоражен, очарован нахлынувшими внезапно светлыми чувствами, расширяющими вселенную, делающими его сказочно счастливым.

Ярослав ясно понимал, что это опьяняющее гипнотическое состояние он вызвал сам, сосредоточившись на переживаниях.

Фантом девочки и его восприятие завораживали, заставляли чувствовать совсем нереальное, словно он находится

рядом, слышит дыхание, улавливает душистый аромат разгорячённого танцем тела, даже может присоединиться, взяв за руки и кружить, кружить.

Внутри Ярослава звучала ритмичная музыка, какой прежде никогда не слышал. Она будила воображение, послала одурманивающие мозг желания, которые разливались по телу сладостным наслаждением.

Юноша вызывал в сознании не мифический, совсем не придуманный образ, а голограмму реальной девочки, которую встретил вчера, с которой, не ожидая от себя такого, смело познакомился. Танцующую в сполохах света фею звали Аглая.

Ярослав думает только о ней, вспоминает взгляд, улыбку, движения, голос. Девочка виделась юноше таинственной, прекрасной и призрачной как эта тёплая ночь. Она пленила, потрясла неизвестно чем, была беззаботная, игривая, беспечная, веселая, невесомая, и яркая как воздушный шарик.

Ярослав купил мороженое. Они стояли у пруда с лебедями и утками, выпрашивающими корм, говорили и говорили, не важно, о чём, лишь бы подольше продлить мгновения неожиданного счастья.

Девочка звонко смеялась, смотрела прямо в глаза, заботливо вытерла его ладони своим платком, потом сама предложила взяться за руки.

С ней было настолько легко общаться, словно знакомство состоялось когда-то в прошлом, не сейчас.

Одна Аглая, появляясь и исчезая, танцевала на расстоянии вытянутой руки в сумеречном свете, другая уютно устроилась в его сердце. Обе будили светлые чувства, желание дотронуться до мечты, убедиться, что это не сон, что уже завтра они встретятся.

Ярослав грезил, путался в мыслях, представлял себя на свидании, где приближался к девочке, брал её за руку, чувствовал тепло, некую искристую энергию, проникающую внутрь, которая распирала изнутри, вызывала эйфорию.

Танцующая проекция неожиданно приблизилась, плавно протянула руки, которые остановились рядом с его лицом словно в замедленном кино и застыли, расплываясь в переливающемся призрачном мареве.

Юноша пытался дотянуться до таинственной гостьи, хотел поприветствовать её, вскочить, но тело оставалось неподвижным, оно словно окаменело, совсем не желало слушать-

ся.

Мутная пелена медленно опускалась между ними, превращала девочку в вытянутую и закрученную спиралью чёрную каплю, которая, быстро вращаясь, просачивалась куда-то вниз. Красивая картинка моментально испарилась в непроглядной темени, исчезая вместе с сознанием.

На самом деле Ярослав давно спал, но яростно пытался ухватить обрывки ускользающей мечты, которая почему-то переместилась в другую реальность.

Вдруг стало страшно, что невозможно будет отыскать Аглаю, такую милую и доверчивую, такую тёплую и родную. Ведь он даже не успел сказать, насколько она дорога ему.

Юноша метался во сне, настойчиво звал подружку, она не отвечала. Чем глубже Ярослав проникал в чёрную пустоту, тем сильнее наваливалась растерянность и тревога, запирая дыхание.

Боясь задохнуться, Ярослав в панике попытался вынырнуть, выплыть на поверхность, где есть воздух, где хоть чего-нибудь видно. Всё его существо захлестнул ужас.

Солнце давно взошло, дождь закончился.

Одеяло и подушки валялись далеко от кровати, простыня скомкана, тело покрыто липким холодным потом, сердце колотилось, словно загнанный в угол зверёк. Юноша смотрел вокруг, но не мог понять, где и почему находится.

Сознание возвращалось медленно. Сильно болела голова. Ярослав вспомнил, что явственно видел, как исчезала во мраке ночи Аглая.

Девушка ждала его в парке, только выглядела несколько иначе, чем при первой встрече. В ней не было прежнего очарования. Во всяком случае, оно померкло в сравнении с ночной проекцией.

Молодые люди долго гуляли, ели мороженое, кормили лебедей и уток, держались за руки, много говорили. Ярослав украдкой прикасался к волосам Аглаи, вдыхал возбуждающий аромат её тела, неловко держал за руку и тонкую талию, даже зачем-то признался в любви, которой совсем не чувствовал.

Что-то было не так.

Не так как вчера, не так как прошедшей ночью, не так как представлял себе в мечтах и грёзах.

Девочка была обворожительна, мила и прелестна, но что-то важное исчезло вместе с той закрученной чёрной каплей, которая забрала с собой энергию страсти.

Реальная Аглая была обыкновенная, обыденная, будничная. В ней не было мистической тайны, невесомости и загадки.

До неё можно было дотронуться и ничего, совсем ничего особенного не происходило.

Свидание проходило так или почти так, как виделось в грёзах, а в глубине сознания отчего-то возникала и приобретала масштаб горечь потери.

Понять, отчего ему одиноко и грустно рядом с мечтой было невозможно.

Девочку нужно было развлекать, о чём-то с ней говорить, делать вид, что испытывает восторг от прикосновений, а его почему-то не было.

Ярослав пробыл с подружкой почти весь день, потом провозжал домой, почти решился поцеловать, но стоило только закрыться за ней двери, как на него моментально накатила

беспросветная тоска, померкли яркие краски, вечер стал унылым и безрадостным.

Юноша долго бесцельно бродил по городу, избегая людных мест, закрыв глаза сидел на скамейке в тёмном углу аллеи, вспоминал предыдущую волшебную ночь, танцующую в мерцающем свете невесомую фею.

Она была настоящая, восхитительная, волшебная.

Сравнивать её с Аглаей было невозможно.

Вернуть взволновавшее его видение удалось лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы возродить ликование и восторг в душе, почувствовать прилив сил, желание жить, вдохновение.

Ярослав побежал домой, где неподвижно, как вчера, улёгся в кровать, и стал ждать возвращения чуда.

Юноша не догадывался, что мечта обязательно должна быть разумной. Он не заметил, как вместо того, чтобы поднять паруса, опустил якорь.

Нимфетка

Любовь искали и не находили,

Любовь теряли и не берегли

«Любви не существует», —

Люди говорили...

А сами... умирали без любви...

Жюли Вёрс

“Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...”

Крутится и крутится одна и та же мелодия в голове, да ещё голосом Утёсова.

– Вот ведь привязалась! Почему я так рано родился, почему! Мне двадцать один, а ей...

– Ждёшь – не ждёшь, а она – бац и явилась! Глупости, какие. Угораздило же меня... Девчонка ещё вчера из детского сада, ну, чуть постарше – тринадцать лет, шестой класс, ре-

бёнок совсем, а я места себе не нахожу при виде её, готов следы целовать, музыку сочинять, тоннами портреты писать. Совсем умом тронулся. Какая может быть любовь между мужчиной и девочкой? Извращенец чёртов!

Игорь раздражённо, порывисто метался по студии, нервно крутил в руках барабанные палочки, время от времени со злостью стучал ими по ударным инструментам, которые кричали и выли от боли.

От его странной боли, которая рвала душу и не находила выхода.

– Она же мне в дочки годится. Ребёнок совсем. Так ведь я ни на что и не рассчитываю, ничего непристойного в уме не держу, разве что поцеловать мечтаю, за руки держать. Мне бы видеть её, глазами ласкать, что в том плохого?

Подожду, когда подрастёт, а пока буду холить и лелеять. До восемнадцати ей ещё пять лет. Всего пять или целых пять? Блин, блин, блин! Неужели так бывает!

Что я могу с собой поделаться, если с ума по ней схожу! Чем, чем она меня так опутала? Глаза, губы, голос, запах? Чем? Отчего маюсь так, скучаю, не успеваю расстаться, – сам с собой громко разговаривал парень.

Игорь таскал Любочку с собой повсюду, где только возможно.

В музыкальной студии на репетиции она всегда сидит на сцене, на концертах – в первых рядах или за кулисами. В ресторане, когда ребята играют – за отдельным столиком. Правда в десять вечера он вызывает такси и отправляет её домой.

Юноша посвящает ей песни, рисует портреты. В его комнате все стены увешаны карандашными набросками.

Их сотни...

Игорь рисует и рисует: движения, силуэты, позы, глаза, губы, руки.

Да-да, особенно кисти и пальчики.

Их он изображает крупным планом на отдельных холстах.

Маленькие детские ручки: тоненькие-тоненькие, нежные, ласковые, с аккуратными блестящими ноготками.

Игорь их обожает. А Любочка с удовольствием позирует,

позволяет целовать их и гладить.

Ещё Игоря восхищают её глаза, такие разные: то укоризненные, то весёлые, то хитрые. Выражение этих глаз бывает испуганное, смеющееся, тоскливое, возбуждённое, застенчивое, изумлённое, но всегда удивительно прекрасное.

Несколько альбомов её портретов и взглядов.

Иногда Игорь просыпается среди ночи и берёт в руки карандаш.

Но всё не то, не так. Разве можно изобразить совершенство?

Она особенная, волшебная, очаровательная, разная.

Вокруг парня вьются десятки возбуждённых, очарованных его талантами девушек, готовых на всё: ведь он поэт, музыкант, художник, причём молод и чертовски привлекателен.

Только ему совсем ни к чему это навязчивое внимание. Ничего, кроме Любочки, ему не нужно.

Игорь мечтает посвятить любимой жизнь без остатка: хо-

чет дарить, дарить и дарить. Он готов делиться буквально всем, что имеет: преподнести в качестве презента себя, талант, вручить судьбу.

Без Любочки ему ничего не нужно. Совсем ничего.

Жить рядом, близко, преданно вглядываться в каждую милую чёрточку, целовать паутинку морщинок на ладонях, вдыхать удивительный запах, облако изумительного пряного воздуха, окружающее девочку: изысканный, ласкающий обоняние коктейль из сладкого молока, фруктов и цветущих трав.

Её кукольное личико без следов времени с неизменной улыбкой посылает Игорю вдохновение.

Юноша садится на пол к самой стенке, закрывает глаза, видит, чувствует, как нежно прикасается к щекам девочки, как она зовёт его губами, как...

Однако до настоящих поцелуев ещё целая вечность. Это табу.

Если только в лобик.

Или в нос. В маленький, аккуратненький носик. Он ей так

к лицу.

– Вот, дурак! Надо же такое выдумать! Как нос может не быть к лицу, если является его неотъемлемой частью? Тоже мне художник, от слова худо!

Игоря поражает, возбуждает и радует её детская наивность, легкомысленная доверчивость, искренность, беспечность, кротость, поистине ангельский характер: дружелюбный и невинный.

Любочка с ним дружит, доверяет во всём, чувствуя, что этот замечательный добрый дядя никогда, ни при каких обстоятельствах её не обидит.

– Разве можно обмануть такое всеобъемлющее доверие? Да ни в жизнь. Провалиться мне на этом месте, если...

Изумительная, сногшибательная энергия, физически ощутимые флюиды, исходящие от её юного тела витают повсюду, когда девочка рядом.

Её присутствие возбуждающе пьянит, будоражит воображение, рождает мечты, формирует диссонанс, одновременно создавая и разрушая гармонию, создаёт контрастные ощущения, нарушающие координацию ощущений, движений и

мыслей.

Одного глубокого вдоха чувственного бальзама, исходящего от её волос, достаточно, чтобы у парня закружилась голова, задрожали ноги в коленках, а руки перестали слушаться.

Когда Игорю удаётся украдкой погладить Любочкины волосы, он не моет руки, чтобы подольше сохранить благоухание девственной непорочности.

Говорят, что в лёгких находится множество вкусовых рецепторов. Рядом с девочкой Игорь всегда чувствует сладкий привкус и целый букет фруктового благоухания, значит это действительно правда.

Надышавшись возбуждающего аромата, Игорь встречается с её восхищённым взглядом, он ведь для девочки кумир: беспредельно талантливый музыкант и художник, просто гений.

Любочка очарована его многочисленными дарованиями, готова сколько угодно слушать извлекаемые им из инструментов звуки, интонации голоса.

Если бы Игорь попросил отдать за него жизнь, девочка, не

задумываясь, сделала бы это.

Картины, рисунки и звуки, создаваемые идеалом, идолом, вызывают у неё мистический трепет, последовательность насыщенных неуправляемых эмоций, чувство беспредельного восхищения, желание поклоняться и любить.

В школе и дома только и слышно от Любочки о выдающемся гении блистательного Игоря.

Таинственные, завораживающие, гипнотизирующие глаза с золотистыми искорками, в которых веселятся и озорничают чертенята, сводят Игоря с ума. В прямом и переносном смысле.

Он совершенно перестаёт соображать, глядя на свою фею, старается переключить зрение на нейтральный объект, иначе моментально забывает, где, почему и зачем находится.

Иногда это бывает очень неловко, особенно если рядом случаются невольные свидетели.

– Страдать и метаться на пределе эмоциональных возможностей от присутствия маленькой девочки! Бред. Никто в такое не поверит. Да я и сам не верю!

Окружающие думают, что он опекает дочку знакомых или дальнюю родственницу. Со стороны именно так и выглядит их общение: осторожная предупредительность, деликатная тактичность, скромность, порядочность, сдержанность, заботливость и галантность.

Насколько это возможно.

Согласитесь, так никто не ведёт себя с возлюбленной.

Никому и в голову прийти не могло, что это пламенная страсть, всеобъемлющее обожание и возвышенная романтическая любовь.

Страстное, не поддающееся контролю увлечение с краткой интригой или мимолётным увлечением тоже выглядит совершенно иначе.

Эмоции и чувства поедают Игоря целиком и полностью, не давая возможности опомниться, расслабиться, объективно оценить ситуацию. Рядом с Любочкой он находился под воздействием сильнейшего нейролептика, подчиняющего сознание целиком.

Когда девочка случайно дотрагивается до его руки, тело пронзает насквозь волна дрожи, словно от удара током. А

ведь он далеко не мальчик, причём довольно давно познавший телесную любовь.

Игорь множество раз испытывал шок от ошеломляюще-ласковых прикосновений, объятий, поцелуев и даже...

Про это даже он теперь и думать не может.

Любочка богиня: скромная, застенчивая, целомудренная. Похотливые мысли к ней не липнут.

Игорь ужасно боится ранить незащищённую детскую чувствительность, испугать восторженность и обожание.

На Любочку, считает он, можно лишь глядеть.

И млет от восторга, когда она зачарованно и доверчиво смотрит в глаза.

Девочке необыкновенно, отчаянно льстит внимание Игоря Леонидовича. Она намеренно величает его так, хотя юноша много раз просил называть его по имени.

Ну, какой он для неё Игорь Леонидович?

Игорь – руководитель местного музыкального коллектива.

ва, но для неё это равнозначно именитому артисту, которому можно и нужно поклоняться.

Он поёт и играет на нескольких музыкальных инструментах, освоил их самостоятельно, не обучаясь специально, сочиняет песни, в основном про любовь. Его исполнение девочки слушают стоя: подбадривают восторженными криком, кидают на сцену цветы, посылают воздушные поцелуи, врываются на сцену, пристают с поцелуями и объятиями, которых он стесняется.

Все песни юноша посвящает ей.

При каждой возможности рисует Любочкины портреты.

Рисунки ей очень нравятся, но Игорь всегда недоволен ворчит, уверяя, что такую красоту невозможно передать достоверно с его малыми способностями к живописи.

Наверняка он не прав, Любочка просто уверена в этом.

Игорь и её заставляет учиться навыкам живописи, утверждает и доказывает, что у неё талант.

Девочка любит рисовать, но ей не хватает упорства, а в руках нет твёрдости. Карандаш постоянно соскальзывает, вы-

лезая нелепыми штрихами за пределы рисуемых контуров. В итоге выходит совсем не то, что задумано.

Игорь Леонидович недавно познакомился с Любочкиными родителями. Поначалу они возмущались, запрещали, грозились подать заявление в милицию, имея в виду приличную разницу в возрасте и угрозу соращения.

Он выдержал давление родственников, дал твёрдое обещание, что ничего непредвиденного и зазорного случиться просто не может.

Игорь Леонидович отвечает за Любочку целиком и полностью.

Непонятно отчего, видимо внешность, манера поведения или что-то иное в его поведении и облике внушали доверие, но их встречам перестали препятствовать.

С того дня жизнь Любочки круто изменилась.

Где они только не бывали. Даже на концерты в соседние области выезжали.

Игорь неизменно после прогулок и концертов провожал её домой, пил с родителями чай и уходил в одинокую ночь.

Папа и мама больше не волновались.

– Человек-то, порядочный, говорила мама, – мало ли что в жизни случается. А если это настоящая большая любовь?

События наслаивались одно на другое, изменяя обстоятельства, людей и их отношения. Любочка позволяла Игорю немного вольностей, не стеснялась, когда он при людях брал девичье лицо в сильные ладони и целомудренно целовал в нос и щёки.

Девочка запросто могла ответить взаимностью, даря юноше ответные непорочные поцелуи. Она ещё не повзрослела, не выросла, совершенно не чувствовала возбуждения. Так обычно целуются с братьями и сёстрами, без вожделения и чувственности.

Игорь Леонидович, он ведь свой в доску, с ним можно всё, даже рассказать, как она целовалась с мальчишками в пятом классе.

И много чего ещё. Например, она нисколько не стеснялась сказать, что хочет писать, не обращая внимания, что в это время у Игоря запирало дыхание, лицо становилось пунцовым, или запросто объявить, что у неё начались месячные.

Ей не приходило в голову, что переодеваясь при мужчине нужно уйти в другую комнату или хотя бы отвернуться.

Любочка воспринимала Игоря Леонидовича как подружку. Самую-самую близкую подружку, хоть и в мужском облики.

Однажды, совсем неожиданно, Игорь Леонидович исчез из её жизни.

Навсегда.

Любочка воспринимала это как предательство: переживала, страдала, плакала.

Такого коварства от лучшего друга она не ожидала.

А мужчина просто не выдержал давление первобытной природы, заставившую его немедленно искать пару.

Биология живых организмов коварна. Она не даёт шанс расслабиться, заставляет взрослого самца искать половозрелую самку, даже если ты самый что ни на есть музыкант или художник, если у тебя неземная любовь.

Молекулы половых гормонов, имеющие размеры невиди-

мые глазу, способны командовать не только мальчишками, но и зрелыми мужчинами.

Игорь Леонидович не смог дождаться, когда окончательно вырастет и созреет его любимая. Он попросту сдался, променял любовь на банальное желание совокупляться.

Жена не вызывала у него чувство безотчётного восторга, но дала Игорю возможность и право проникать в центр вождения, удовлетворять сиюминутную похоть, что в тот момент оказалось сильнее любви.

И родила ему троих ребятишек.

Ждать совершеннолетия любимой оставалось два года. Это стало непреодолимым препятствием.

Увы! Никто не знает своего будущего. Предвидеть последствия наших поступков невозможно. Даже взмах крыла бабочки может оказаться фатальным, чего уж говорить о хрупких и ранимых судьбах и человеческих отношениях?

Поступки, диктуемые гормонами, непредсказуемы. Против природы бессильна даже любовь, даже самая-самая чистая и непорочная любовь.

А Игорь Леонидович... он заслуженный художник районного значения.

На половине картин он до сих пор изображает Любочку, ту, тринадцатилетнюю, с лучистыми глазами, полными любви и обожания.

Всё не так

Они познакомились на литературном сайте.

Игорь Леонидович публиковал рассказы около полугода, старался отслеживать новинки, вникал в тематику изложений, пытался выработать свой стиль, что пока не очень выходило, иногда писал комментарии на понравившиеся повествования.

Понятно, что популярность его была невелика, читателей мало, а качество работ неважное: он только учился творить.

Виктория Анатольевна выложила первые работы и сразу нарвалась на агрессивного комментатора.

Мужчина не поленился, написал разгромную рецензию, не стесняясь в выражениях, хотя рассказ был довольно интересный, только сырой, да и автор не скрывал свой любительский, ученический статус.

Игорь прочитал оскорбительную реплику и решил поддержать дебютантку, отправил сообщение, в котором выразил своё мнение, отличное от резкой критической оценки.

Рецензент оказался заурядным заносчивым графоманом. Рассказы его были написаны неинтересно, безграмотно и коряво, зато бросалось в глаза обилие комментариев на чужие тексты, где он брезгливо плевался, давая гадкие оценки.

Видимо у этого автора была устоявшаяся репутация, потому, что с ним не спорили, даже не отвечали на его агрессивные выпады.

Так завязалась довольно забавная переписка.

Игорь читал у Виктории всё подряд, давал советы, но не под рассказами, а в личных сообщениях. Она в свою очередь изучала каждый его пост, писала пространные комментарии, задавала массу личных вопросов.

Спустя немного времени Игорь Леонидович получил сообщение, – Я Вас воспринимаю как близкое, даже родное существо. Поверьте, меня саму это забавляет. Каждое утро хочется побывать у Вас, в Вашем мире. Мне там хорошо, легко, понятно. И не только утром. А вообще, всякий раз, когда прихожу сюда, на этот сайт. Неужели я в Вас влюбилась? Правда, удивительно? Ведь я Вас не видела, не слышала, не прикасалась. Как же так? Мир Ваших мыслей, эмоций меня притягивает. Мне всё равно, какой Вы в реальности. Здесь, в этом виртуальном мире Вы существуете как очень притя-

гательное для меня существо. Надеюсь, не напугала Вас.

– Даже не думайте, – ответил Игорь, – Я старик. Это не значит, что не способен мыслить категориями любви, но испытать чувственный шок вряд ли. Пришло моё время глядеть на мир со стороны. Я ведь и в молодости пробовал писать, но кроме эмоций ничего в багаже не было. Обратите внимание: молодые леди и джентльмены в основном фантазируют, грезят несбыточными категориями, ищут лучший мир где-то слишком далеко от реальности. Мы-то с Вами знаем, что другого мира попросту нет. Надо любить этот, что мы с Вами и делаем. По-своему. А виртуальные отношения с Вами приятны и мне. Спасибо за откровенность!

Переписка наполнялась реальными фактами из жизни, суждениями обо всём на свете, советами, пожеланиями, просьбами.

Оба были разведены, свободны и одиноки, хотя имели детей и внуков.

Чем больше авторы узнавали друг друга, тем сильнее изменялся характер их странного общения. Оказалось, что в их судьбах много общего, но это не сближало, а давало повод для противоречий.

Спустя время Игорь и Виктория общались так, словно долгое время были супругами.

Они обоюдно расхваливали свои рассказы, выставляли высокие оценки этим работам и обращались на Вы, а в личной переписке нападали друг на друга, язвили, огрызались, иногда продолжительное время не общались вовсе, потом извинялись и вновь посылали друг другу восторженные реплики.

Если один из них публиковал рассказ, другой должен был незамедлительно ответить, иначе оппонент начинал переживать и нервничать.

– Какая сложная, настороженная и беспокойная женщина, – думал Игорь Леонидович, – дёрнул же меня чёрт с ней связаться. Она ведёт себя как жена, постоянно чем-то озабочена, недовольна. Но меня необъяснимо тянет на её страницу. Что там такое волшебное? Обыкновенная, как и я, бездарность, претендующая на внимание.

– Кто дал ему право критиковать мои произведения, кто, – раздражённо вопрошала себя Виктория Анатольевна. – Думает, если я несколько раз написала о любви, значит, можно издеваться? Я же гипотетически, виртуально. Сегодня же выскажу всё, что думаю и прекращу переписку, только про-

читаю ещё раз его последний рассказ.

– Надо же, словно о моей жизни пишет, – недоумевала она, – душу наизнанку выворачивает. Нужно поставить точки над *i*, выяснить, в чём дело. Пожалуй, стоит пригласить его на встречу, почему нет? Должна же я знать, что не так в наших отношениях.

На этой мысли Виктория сосредоточилась, наморщила лоб, – отношениях, чёрт возьми! Чего я себе насочиняла, чего, какие отношения на седьмом десятке лет! Блажь.

Прочитав несколько раз растревожившее душу повествование, женщина написала восторженный отзыв и отправила в личном сообщении предложение встретиться на нейтральной территории, в кафе у городского парка.

Игорь Леонидович раз десять прочитал предложение “обсудить и урегулировать некоторые аспекты творческих отношений”, не в состоянии дать на него адекватный ответ. Он не понимал, что именно придётся обсуждать, как себя вести и вообще...

Нервозность вызвала приступ стенокардии, подскочило давление, однако совсем не ответить было нельзя, – по крайней мере, это неприлично, по-детски отмолчаться. Не хо-

чешь встречаться – не надо, зачем создавать неоднозначную ситуацию? Ещё подумает, что испугался. Ладно, поговорим, исключительно о рассказах. Ничего личного.

Встречу назначил на час дня в выходной. Игорь специально выбрал такое время, когда отдыхает и развлекается молодёжь: не будет повода для лирики, для слишком интимных разговоров.

– Знать бы, о чём Виктория Анатольевна хочет беседовать. Не дай бог опять начнёт петь о любви, я этого не вынесу, слишком стар для этого. Нужно заканчивать этот мезальянс. В конце концов, это не единственный литературный сайт.

Виктория оказалась интереснее, чем выглядела на аватарке. У неё было благородное породистое лицо, стройная фигура и вкрадчивый бархатный голос.

Несмотря на мимолётную симпатию, по всему было видно, что Игорь Леонидович тоже вызвал у знакомки позитивные эмоции, обстановка встречи была крайне напряжённой. Впрочем, он сделал всё, чтобы не понравиться.

Разговор не клеился. Пили кофе с безразличными лицами, время от времени предпринимали попытки развлечь

друг друга незначительными фразами, но так и не смогли начать беседу.

После третьей чашки кофе и целой тарелки пирожных Игорь Леонидович сослался на необходимость отпустить дочку с зятем в театр, по причине чего придётся нянчиться с внучкой, раскланялся и был таков.

Виктория Анатольевна в недоумении просидела за столиком около часа, обдумывая, что это было, что с ними не так.

– Всё, всё не так, – возмущалась она. – Индюк напыщенный! Для чего приходил-то? Молчал, словно обвинял в чём-то. Хватит с меня, сколько можно!

Женщина углубилась во внутренний мир, принялась с собой дискутировать, то и дело бросала раздражённые реплики на отдельные фразы из его рассказов, но постепенно успокаивалась.

– Ха, – одёрнула она себя, – а сама-то. Вела себя как дура. Ведь это я его пригласила, а зачем, если за полчаса не произнесла ни слова? Чего я от него хочу? Ни сват, ни брат. Почему мы всё время чего-то делим? Или начинать нужно, или совсем заканчивать. Значит, необходима ещё одна встреча, только на этот придётся основательно подготовиться. Знать

бы к чему...

Виктория Анатольевна написала приглашение, строго обозначив время и место встречи, но минут сорок не решалась нажать на клавишу, чтобы его отправить.

“Буду ждать тридцать минут. Если не придёте, я пойму. С уважением: Вика”

Получив сообщение, Игорь Леонидович разволновался, долго не мог прийти в себя.

– Зачем это нужно, ведь мы всё выяснили! Нет у нас будущего, мы разные, именно поэтому и цепляемся друг к другу. Какие отношения могут быть у стариков? Смешно. Да и не нравятся на самом деле мне её рассказы. Просто пожалел, а она... Никуда не пойду. Я пойму!!! Тоже мне, чего она может понять, чего! У меня своё одиночество, у неё своё. Проследовали в одном направлении параллельным курсом и разошлись как в море корабли. Чего ей от меня нужно, прощальный гудок хочет услышать?

Игорь Леонидович нервничал, срывался на домашних, но ответ дать так и не решился.

Станным образом Виктория Анатольевна занимала его

мысли целиком и полностью. Он хвалил её и ругал одновременно: намеренно вызывал в душе раздражение, а следом оправдывал.

– Что с того, что она плохой писатель, я-то сам кто такой? Женщина предлагает встречаться, я ерепенюсь. Почему? Что не так? Что-что! Да не хочу я ничего выяснять, не желаю ни о чём думать. Пусть всё остаётся как есть. Поздно пить Боржоми.

Виктория Анатольевна заняла столик в кафе минут за двадцать до встречи. Сидела с беспокойным сердцем, уговаривала себя быть объективной.

– Скажу ему, чтобы не думал, будто я к нему чего-то такое испытываю. Хочу поговорить о его рассказах, только и всего. Я не виновата, что Игорь Анатольевич разбудил моё воображение. Читаю его произведения, а вижу себя, свою юность. Откуда ему известно, о чём я думала, какие эмоции и чувства испытывала, откуда? Зачем он залез в мой мозг! Пусть хотя бы ответит, кто позволил так бесцеремонно описывать то, что было совсем не с ним, со мной.

Глаза женщины подёрнулись влагой, дыхание стало прерывистым, рыдающим. Виктория посмотрела на часы. До встречи оставалось несколько минут. Нужно было привести

себя в порядок.

Игорь Леонидович твёрдо решил никуда не идти.

– Ни к чему это. Пусть сама догадается, что пытается разрушить мой устоявшийся внутренний мир. В мои годы нельзя волноваться, переживать.

Тем не менее, его тянуло на эту встречу.

Мужчина сходил в парикмахерскую, освежил причёску, надел костюм, даже купил цветок, не понимая, что с ним происходит, зачем все эти приготовления.

К кафе Игорь Леонидович подошёл минут за пятнадцать, но завернул за угол, где в скверике стояли скамейки. Мысли неслись по бездорожью, как обычно бывает, когда он приступает к написанию нового рассказа.

Он думал о себе и о ней, но отвлечённо, как о персонажах нового произведения, заставлял литературных героев схлестнуться в разных ситуациях, даже достал блокнот и начал записывать.

Получалось довольно интересное повествование. Игорь Леонидович увлёкся, не заметил, как пролетело время.

Посмотрев на часы, он понял, что тридцать минут ожидания сверх обозначенного времени истекают. Сердце застучало вразнобой. Такого казуса прежде не случалось, он всегда был старомодно, безукоризненно пунктуален.

Виктория Анатольевна уже надевала пальто, когда Игорь Леонидович влетел в зал.

– Вы нетактичный, невежливый, неорганизованный человек. Я была о вас лучшего мнения, Игорь Леонидович! Очень жаль, что мы не поняли друг друга. Прощайте.

– Извините, Виктория Анатольевна, я писал, о нас писал, увлёкся...

– Не оправдывайтесь! Что! Что вы там писали? О ком это, о нас, поясните.

– Вы не так поняли. Это рассказ, мы тут не причём, это герои, они такие же, как мы, но совсем не мы.

– Не виляйте хвостом! Дайте взглянуть, что вы там насочиняли! Наверняка какой-то бред. Впрочем, чего это я, какое мне дело до того, что вы там выдумали. Я хотела сказать, что вы меня окончательно достали, я вас...

– Не продолжайте, просто прочтите.

Виктория Анатольевна читала стоя минут десять. На её лице играла цветомузыка чувств.

– Откуда вы узнали, о чём я думала? Почему вы позволяете себе копаться в моей голове! Зачем вы это всё написали! Вы что, тоже так думали?

– Извините, но это мои мысли, а не ваши.

– Так я и поверила! Ладно, допустим. Давайте чего-нибудь закажем и помолчим.

– Согласен.

– Но он, этот ваш Виктор Сергеевич, влюбился в меня, то есть в Ирину Геннадьевну, а вы даже разговаривать со мной не желаете.

– Желаю.

– И всё время придираетесь по мелочам.

– Это от неловкости. Но ведь и вы...

– Я хотя бы попробовала признаться.

– В чём?

– Ну, знаете, Игорь Леонидович, хотите вынудить меня краснеть, как девчонку-малолетку? Не дождётесь!

– Почему вы всё время нападаете? Я не давал повода.

– А вы дайте, дайте повод. К кому это вы направлялись с цветами?

– Это имеет значение?

– Ха! Если послушать вас, ничего вообще в нашей жизни не важно, даже любовь.

– Позвольте!

– Не позволю! Вы постоянно затеваете ссору. Зачем вы пришли, я уже всё для себя решила, а тут вы со своим глупым рассказом.

– Он вам не понравился?

– Конечно, нет. Того человека зовут Виктор Сергеевич, а не Игорь Леонидович.

– Хотите сказать...

– Хотела, чтобы вы это сказали, но ничего не услышала.

– Это же глупо, чёрт возьми. В нашем возрасте с этим не шутят. Так и до инфаркта недалеко. Что вы скажете детям, внукам?

– Не обязана ни перед кем отчитываться. Почему вы всё ходите вокруг да около? Пора заканчивать этот глупый диалог. Да или нет?

– Вы о чём, Виктория Леонидовна?

– Не бесите меня, не надо, я устала от недомолвок!

– Хорошо, я понял. Ко мне или к вам?

– Что вы себе позволяете! Вы же не кавалерист, чтобы рубить сплеча.

– Тогда вынужден раскланяться. Мы не способны понять друг друга.

– Это ещё почему, позвольте спросить? Я лишь хотела сказать, что сначала нужно узнать друг друга ближе.

– Предлагаете дружбу? Но мне не двадцать лет, немного больше. Хотите узнать, переезжайте ко мне, там и познакомимся.

– Мне нужно подумать.

– Вот и думайте. О решении пишите в личку. Возможно, к тому времени я ещё не передумаю.

– Вот значит как! А поехали. Но имейте в виду: невесты – товар скоропортящийся, обмену и возврату не подлежат.

– Ну, насмешили, Виктория Анатольевна.

Вечером странная парочка ссорилась по поводу того, кто первый будет пользоваться компьютером.

Потом они ужинали с вином при свечах, эмоционально спорили о том, как в дальнейшем распорядится судьба с героями новой повести Виктором Сергеевичем и Ириной Геннадьевной. Спать отправились в разные комнаты.

Через полгода Игорь и Вика издали книгу под общей фамилией, которую назвали “Всё не так”

Держись меня – всему научу Часть 1

– Не скучай, друзей встречай, приглашай меня на чай, – задорно продекламировала Нина. —Приветик, Светулька! Представляешь, подруга, я сегодня, такая счастливая. У меня по-настоящему весеннее настроение. Посмотри вокруг: весна, красотища, любви хочется так, что в животе тошнит.

– С чего это тебя так растащило? Неужто опять влюбилась?

– От желаний, Светик, всяких-разных, милых и заразных. Крышу у меня сносит от эмоций и желаний.

– Так у тебя всегда так.

– Ничего ты, Светулёчек, не понимаешь в колбасных обрезах. Даже кошки по весне с ума сходят, а мы девушки. Природа шепчет: займи, но выпей. Я в смысле любви и настроения. А всё почему? Кровь бурлит, подруга, можно сказать закипает.

– А ты её остуди. Хочешь, я тебе льда в морозилке накопью? Могу даже коктейль соорудить.

– Неужели ты ничегошеньки не чувствуешь? А у меня вот здесь, вот здесь и ещё здесь волосы на коже дыбом встают, мурашки по всему телу бегают, и петть хочется. И вообще у меня всё встаёт. Честно- честно. Мы же с тобой девушки, мальчишки спят и видят, как бы нас поцеловать. Вот ты, ты целовалась хоть раз? Нет! Ну и дурында. Наводнение сходит, через неделю-другую дебаркадер откроют: кафе будет работать круглосуточно, навигация начнётся, теплоходы пойдут. Музыка, танцы, морячки с деньгами. Радуйся, Светулёк – зима закончилась. Заживём!

– Извини Ниночка, мне учить нужно. Весна, это конечно здорово, только экзамены скоро. Ты что, в девятый класс не собираешься?

– Сдурела что ли, зачем? Романтики в тебе нет, Светка. Учёба, работа, это для тупых и бездарных. Мы же с тобой красотки. Наше дело мужика толкового найти. И всё, дело в шляпе. Остальное его проблема. Пусть учится, если хочет или ещё чем займётся, мне без разницы. У меня и без того есть чем расплатиться. Вот посмотри. Да не туда... на ножки мои смотри. Ничего не замечаешь? А мальчишки всё видят. И колени, и бёдра, и талию как у стрекозы; осанку, походку, кожу нежную как попка младенца. Про грудь вовсе молчу. Этот аргумент бьёт сразу наповал – проверено. Когда мамки дома нет, я смотрюсь в зеркало и сама от себя тащусь. Даже

самой потрогать хочется. А тебе?

– Мне, Нина, к экзаменам готовиться нужно. Хочу десять классов закончить. Потом в институт.

– Интересно, зачем? Ты учиться будешь, а я... Скажи честно, Светка, ты когда-нибудь влюблялась, по-настоящему, до дрожи в коленках и полной потери соображения? А себя когда-нибудь трогала? Ну, там...

– Глупости это всё, ещё успею. Первым делом, сама знаешь – самолёты. Когда профессию получу – догоню. Пока мне это не интересно.

– Вот и неправильно. Время как снег, как вода в реке: его не удержишь, по капельке утечёт – оглянуться не успеешь. Жить, подруга, нужно быстро и интересно: кто не успел – тот опоздал. Лично я в училище пойду. Выучусь на оператора почтовой связи, буду сидеть вся такая волшебная, соблазнительная, изящная, красивая. Тоненькое платьице с оборочками, лёгкое-лёгкое, почти невесомое, цвета весенней травы, только прозрачное. Не совсем, конечно, но с намёком.

И декольте, как приглашение к романтическому диалогу. Этакое лирическое вступление к прозе жизни. Поэзия, понимаешь, изюминка.

Я вся такая тонкая, невесомая. Кудряшек милых пружинками наделаю, волосы осветлю, губки на помажу. Ну, врубаешься? Брови вразлёт, глаза полуопущены: томные, с поволокой, загадочные, кокетливые, чувственные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.